

Чжан Хэншуй тихо вздохнул, поднял руку, чтобы погладить его по голове, но, поскольку оба были в официальных одеждах и в головных уборах, лишь ту же затынул разлетевшийся от ветра меховой плащ.

— Учитель не сердится на тебя, учитель сердится на себя. Ты в детстве потерял отца, мать вскоре тоже ушла, ты растил себя сам, естественно, жаждал родственной любви. С трудом нашел двоюродного дядю, но кто бы мог подумать... — на этом месте голос Чжан Хэншуя уже дрогнул. — Учитель не позаботился о тебе должным образом. Думаю, все эти годы ты чувствовал себя несчастным, будучи заточен в столице. Теперь у тебя есть свои планы, есть место, куда ты хочешь отправиться, есть дело, которым хочешь заняться. Учитель действительно, действительно рад.

У Пэй Чоу тоже покраснели глаза.

— Я... Я просто не могу смириться с расставанием с тобой. Боюсь, что однажды пожалею и, применив средства, оставлю тебя рядом. Поэтому поспешил уладить это дело заранее, чтобы избежать будущих сожалений. Ты... не вини учителя, что он тебя выпроваживает...

— Как смеет ученик винить вас! Учитель уже сделал для меня достаточно. Все эти годы только благодаря вашей заботе я смог занять место в Ханьцзине, как смею просить чего-то еще.

Чжан Хэншуй похлопал его по руке, растроганный.

— Хорошо, хорошо...

Он хотел сказать еще что-то, но увидел вдали человека, мчащегося к ним. Это был Цао Цзычжань.

Экстренное собрание шести министерств вызвало Чжан Хэншуя. Пэй Чоу, как ланчжун пятого ранга, готовящийся к переводу, мог и не идти.

Он некоторое время оставался на месте, дожидаясь, когда спадет печаль с его лица, затем достал из рукава совместную рекомендацию, которую только что передал ему Чжао Лин.

Он перечитывал ее снова и снова, думая, что наконец-то покинет это проклятое место Ханьцзин. Пэй Чоу не смог сдержать улыбку, в его голове возникали картины счастливой жизни в будущем, когда он сможет пожить для себя.

Если бы кто-то увидел, как он то плачет, то смеется, то сказал бы, что этот человек сошел с ума.

Пэй Чоу, по сути, был человеком, которого легко удовлетворить. Он сам по себе не имел больших желаний в отношении денег и власти. Кроме любви к чаю, он даже в еде редко был привередливым.

Если бы в прошлой жизни у него не было такой сильной одержимости возрождением Даюань, он бы не пробивался через все препятствия, пока не занял пост первого министра.

В этой новой жизни он наконец-то мог жить для себя.

Пэй Чоу свернул свиток и с сияющим, будто весенним, лицом зашагал в этот холодный зимний день.

У входа в Министерство церемоний были посажены два кипариса, вечнозеленых в любое время года. Их посадил собственноручно Пэй Чоу в тот год, когда Коу Янь только что занял пост министра церемоний. Зимой они по-прежнему оставались зелеными. Пэй Чоу поднял взгляд, и перед глазами неожиданно возникла картина того дня, когда он поливал их и подсыпал землю, от чего его глаза искривились в улыбке.

Послышались шаги, приближающиеся издалека. Пэй Чоу опустил голову и увидел знакомую фигуру, переступающую порог.

Пэй Чоу вспомнил о совместной рекомендации в рукаве, обрадовался и захотел поделиться этой радостной новостью со старым другом. Он бросился к тому человеку, делая два шага за один.

— Чжунвэнь! Расскажу тебе об одном большом событии! Я...

Мертвая тишина.

Улыбка, застывшая на лице Пэй Чоу, оборвалась.

Казалось, что-то треснуло.

Пэй Чоу подумал, что это, должно быть, его мозг.

Пока Коу Янь стоял ошеломленный, словно пораженный громом, Пэй Чоу прикрыл лицо рукой, сказал «прошу прощения» и стремительно ретировался.

Этой ночью Пэй Чоу спал очень беспокойно. Во сне ему то мерещилась картина его смерти в тот день, даже боль от разрыва плоти и костей была отчетливо слышна, то Пэй Сяошань, которого сбросили в заброшенную охотничью яму на заднем дворе Гоцзыцзяня, в панике, но бессильный что-либо сделать.

Иногда это были будничные дебаты в одиночку против многих ученых мужей во Внутреннем кабинете, иногда чтение «Рассуждений о стратегии» в темноте ночи.

В следующий момент перед глазами возник расплывчатый образ юноши, лицо которого невозможно было разглядеть. Пэй Чоу, кажется, сильно горел в лихорадке, все тело было мучительно горячим. Рука юноши скользила по его лбу, щекам, прохладная и приятная. Он невольно схватил эту руку, прижался к ней лицом и на время обрел утешение.

Юноша хотел отдернуть руку, но не ожидал, что Пэй Чоу, несмотря на болезнь, окажется довольно сильным. Ему не удалось высвободиться, вместо этого он притянул человека еще ближе.

Подбородок юноши оказался напротив его кончика носа, расстояние между ними стало почти незаметным.

Этот человек застыл, словно деревянный, даже дыхание стало неровным.

Он тихо позвал:

— Пэй Цзинлюэ.

Пэй Чоу в бреду смутно подумал: «Хм, раз он знает мое второе имя, значит, знакомый, не какой-то плохой человек».

— Пэй Цзинлюэ, — юноша тихо засмеялся, — ты сам этого хотел.

Он слегка наклонил голову и прикоснулся губами к бессознательно приоткрывшимся губам.

Пэй Чоу проснулся, резко сел в постели.

Страшно, вспоминать прошлое и перебирать память Пэй Сяошаня — это еще куда ни шло, но как можно видеть эротические сны! Да еще и с полувзрослым юношей!

Пэй Чоу мысленно ругал себя за низость и бесстыдство, поспешил сделать глоток холодного чая, чтобы успокоиться.

Он больше не смел ложиться спать, боясь, что стоит ему закрыть глаза, как этот юноша неизвестно что с ним вытворит.

Итак, холодной зимней ночью господин Пэй ланчжун, закутавшись в одеяло, читал «Вёсны и Осени» до утра.

Когда в Ханьцзине выпал первый снег, документ о переводе Пэй Чоу был готов. Дата была назначена на третье число зимнего месяца, чуть больше чем через месяц.

Пэй Чоу долго смотрел на этот документ, затем бережно убрал его, сияя улыбкой до ушей. Даже когда он ловил Цао Цзыхуа на проделках, то находил его круглое испуганное лицо до глупости милым.

Чжан Хэншуй, видя эту картину, не знал, плакать ему или смеяться, чувствуя и радость, и тревогу.

В это время в Министерстве финансов.

Коу Янь с конца прошлого месяца был занят до такой степени, что ног под собой не чуял.

На столе документы были сложены горой, похоронив его самого под собой. Начальники отделов, глядя на место председателя, могли видеть лишь нахмуренные брови Коу Яня.

В отличие от других чиновников, по которым сразу было видно, что они не спали ночами, у Коу Яня глаза были очень ясными, на лице не было особой усталости. Кроме нескольких непослушных прядей волос у висков, он по-прежнему выглядел как тот решительный и энергичный министр Коу.

Начальники отделов, видя это, проникались к нему глубоким почтением.

Чжао Лин только что вернулся из Министерства церемоний. Едва он переступил порог, как младший начальник отдела, неся стопку книг, быстрым шагом вошел внутрь и чуть не сбил его с ног.

— А! Простите! Простите, ваша честь! Я... эти документы срочные, министр должен их срочно просмотреть! Я, я, я...

Чжао Лин с покорностью обхватил его за плечи, приложил усилие и развернул этого начальника отдела, у которого даже язык заплетался, в другую сторону.

— Иди быстрее, представь министру!

— О, о, о!

Чжао Лин смотрел, как Коу Янь погребают под документами и делами, теперь уже совсем не видно его лица. Он вздохнул, слегка подумал и вышел за дверь.

Коу Янь пробудился от тонкого аромата чая.

В тот момент он наконец смог перевести дух и прилег на столе, положив голову на руки.

Коу Янь поднял голову, на столе стояла чашка светлого чая. Он глубоко вдохнул аромат, поднес к губам и выпил до дна, лишь тогда наконец ощутив некоторое оживление.

— Фаншань Иньхао, откуда это?

Чжао Лин как раз приводил в порядок документы на его столе и сказал:

— На днях прислал господин Чжан из Министерства церемоний. Я помню, ваша честь, кажется, любите этот сорт.

Коу Янь промолчал.

Он не был большим знатоком в чае, но, общаясь долгое время с тем человеком, пил его и утром, и вечером. Со временем он привык только к этому вкусу.

— Разве министр Чжан не любит только чай «Лунцзин до дождя»?

— О? — Чжао Лин с удивлением повернул голову и улыбнулся. — Ваша честь, у вас отличная память. Этот Фаншань Иньхао подарил его драгоценный ученик, а он, в свою очередь, подарил его мне.

Коу Янь внезапно вспомнил то оглушительное обращение под кипарисом вчера на закате, молча взял чайник и налил себе еще одну чашку.

Выпив вторую чашку чая, Коу Янь потер запястья, встал и поднялся.

— Скоро час змеи. Сегодня я уже просмотрел большую часть документов, остальные можешь решить вместо меня. Мне нужно сходить в Палату Дали, вернусь позже.

Чжао Лин лишь успел сказать «да», как Коу Янь уже вышел за дверь.

Чжао Лин, видя это, мог лишь беззвучно вздохнуть.

Когда Коу Янь прибыл, у входа в Палату Дали было довольно оживленно.

Перед каменными львами стояла тюремная повозка. Ци Юй как раз распоряжался вывести заключенного. Тот был в арестантской одежде, волосы и борода в беспорядке, голова опущена, лицо скрыто в растрепанных волосах, так что невозможно было разглядеть.

Коу Янь посмотрел, на руках и ногах этого человека были кандалы, значит, преступление было серьезным.

Рассмотрев заключенного некоторое время, взгляд Коу Яня снова привлекло пятно белоснежного цвета.

Зима становилась все холоднее, гражданские и военные чиновники уже давно надели зимнюю одежду, установленную двором. Ци Юй не был исключением, на нем была белая меховая рубашка с круглым воротником, воротник украшен белым мехом. Погода была холодная, вероятно, он долго простоял на улице, губы даже посинели, отчего лицо казалось еще бледнее.

Когда Ци Юй повернул голову, чтобы отдать распоряжение, Коу Янь увидел его покрасневший кончик носа.

Министр Палаты Дали стоял очень прямо и подтянуто, черные как смоль волосы были аккуратно собраны, ниже — шея, скрытая в белом меховом воротнике, и тонкая талия.

<http://bllate.org/book/15464/1368172>